

В среду 25 марта ее в последний раз за 55 лет службы привезли в Большой театр — не для участия в спектакле, не для очередной репетиции, а на горестный ритуал прощания. Ее легкая нога никогда больше не шагнет под эти своды и никогда больше стены репетиционных залов не услышат ее спокойный, негромкий голос.

Большой театр без Улановой. Балет без Улановой. Мир без Улановой.

В это невозможно поверить, но это так и есть. Ее балетный век, не дотянув всего-то два года до исхода XX века и собственного девятидесятилетия, завершился. Она родилась в пору первых триумфов русского балета за рубежом, брала уроки в классе, когда эти триумфы захватывали весь мир, пришла в Мариинский театр, когда уже на закате карьеры, за рубежом России, была Анна Павлова, и ей, Галине Сергеевне Улановой, суждено было судьбой, талантом, зыбкой сыростью петербургских рабочих утренних будней и восхитительным прозрачным летним небом над головой, российскими снегами и безмолвием вокруг выразить в мире танца нечто такое, что до нее не выражал никто.

Ее танец был не яростный, а светлый. Особой прозрачной чистотой и красотой. Как белое на белом. Белее снега и чистого листа бумаги. Белее самой белой пачки. Ее подвенечные наряды — как у пушкинской Марии или шекспировской Джульетты — не приводили ее к гармонии. Роковой исход для многих ее героинь был предвещен судьбой, а героини ее были светлы, как та, пушкинская еще, печаль.

Она не была танцовщицей в общепризнанном смысле слова, хотя умела на сцене все. Она была актрисой балетного театра, и не в том дело, что расцвет ее славы

пришелся на тот период, который принято называть периодом драмбалета, а в том, что каждая ее роль была проникновением за ту завесу, за которую еще никто не ступал.

Я повторяюсь, вспомнив одно из откровений Григория Козинцева. На протяжении всей своей жизни он открывал для себя Шекспира. Перечитывал и переосмыслил его. Примерял к сцене и экрану. И пришел в конце концов к тому, что словесную ткань надо переволновать в какую-то иную, основанную на движении, безмолвии, немногословном действии. И тут как образец возникла перед его взором Галина Уланова, лучшая, на его взгляд, из всех сценических Джульетт, ибо она сказала все, что написал Шекспир. Сказала, оставаясь безмолвной, а поэзию воплощал сам танец.

Эту вершину не превзойти никому.

Судьба подарила мне бесценную возможность много лет знать Галину Сергеевну Уланову. Первый раз она опалила меня в пожаре дворца в "Бахчисарайском фонтане", когда, как мотылек, металась между языками пламени и беспощадными завоевателями. Было начало войны,

мне было лет пять, но, клянусь, я запомнил этот спектакль в зафронтной Перми на всю жизнь.

Как и многое другое, связанное с Галиной Сергеевной. Мы часто разговаривали и больше не о балете. Она замечательно рассказывала о своем окружении тридцатых-сороковых годов, о своем переезде в Москву, вовсе для нее не желанную, об атмосфере театральной жизни тех лет. Мы ездили по окрестностям Коктебеля, и Галина Сергеевна вспоминала, как оказалась здесь с папой еще в двадцатые годы, на карадагской биостанции, и как там на лугу ее впервые поцеловал мальчик, чему она очень удивилась.

О ней всегда говорили, что она скрытный человек, и это правда, просто собеседнику никогда не надо было пытаться отворять ту дверь, которая для Галины Сергеевны была наглухо закрыта. Она ненавидела театральные сплетни и за спиной никогда не обсуждала никого, морщилась, когда это делали в ее присутствии. Она не говорила то, что не думает. А если не хотела высказывать оценки, то предпочитала промолчать. За тридцать с лишним лет знакомства я только однажды решился взять у нее ин-

тервью: казалось неуместным задавать ей вопросы и ставить ее в неловкое положение, если она не захочет отвечать.

Сейчас жалею, что многих разговоров не фиксировал. Например, как говорила она о Грете Гарбо, своей любимейшей актрисе, как общалась со своей подругой по Мариинке Татьяной Вещесловой, как встретила вдруг в Сан-Франциско Александру Данилову, и они вспоминали школьные годы Галины Сергеевны. И в любом эпизоде, даже самом мимолетном, прежде всего помнится ее поразительная естественность и цельность натуры.

Она понимала, кто она, и все равно не терпела преувеличенных знаков внимания. Не припомню ее вальсировать, расслабленной, походка всегда деловая, целеустремленная, разговоры на репетициях с учениками без всяких сантиментов и сюсюканий.

В последние годы мы виделись реже. Помню, в Большом театре, на спектакле в честь юбилея Солико Вирсаладзе, она сказала мне, как ей тяжело — умирала Татьяна Агафонова, ее многолетняя подруга жизни. Я сказал в ответ: держитесь, ведь вы такая сильная. Нет, — ответила она, — я во-

все не сильная, я просто делаю вид, что такая.

На Новый год я позвонил Галине Сергеевне, чтобы поздравить ее, и в ответ, неожиданно для себя, услышал почти что монолог о жизни. О том, к чему она пришла, занимаясь репетиторством. И о том, что только теперь поняла, что это надо как-то зафиксировать. Но как? Наверно, на видеопленку, но ведь это такая морока. Она говорила, что поняла, как тренировать стопу и о многом-многом другом. Пока не перешла к самому горькому и наиболее болезненному. Я не хочу, — говорила она, — чтобы меня нашли на полу в моей квартире, я не хочу, чтобы переворачивали мои вещи и рылись в них. Я никакая не великая, — говорила она, — просто так сложились жизнь и судьба. Я обыкновенный человек и хочу остаться собой.

Она устала. Она имела на это право, трудясь всю жизнь, всю жизнь поддерживая себя в безукоризненной форме. Трудно одной превозмочь невзгоды. Но она умела. Не хватало сил, когда случился удар, добраться до телефона. А может, не хотела? Она не представляла себя беспомощной, но и не хотела, чтобы кто-то ухаживал за ней постоянно. Я не смогу, — говорила она, — жить с чужим человеком в доме.

Гении не уходят безвозвратно. Искусство Улановой, мир Улановой, влияние ее личности уже навсегда с теми, кому дорого искусство. Чашей своего таланта она обнесла многих людей. Немного на земле незамутненных и чистых родников. Тем более в наше время. Родник Улановой всегда пребывает в прозрачной кристаллической свежести.

Осиротел не только Большой театр, осиротели мы все.

Александр АВДЕЕНКО

Уланова
Ташева